

Вырезка из газеты ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

от 22 ДЕК 40

Москва

Газета №

Некоторые итоги дискуссии

Четыре вечера продолжалось в клубе писателей обсуждение книг о Маяковском. Зал был переполнен. Внимание слушателей — напряженное, реакция — непосредственная, острая. Это был не только естественный, давний интерес к лучшему поэту советской эпохи, умершему десять лет тому назад. Нет, все испытывали необходимость поговорить с Маяковским, услышать его страстное слово, проникнуться силой его убеждения именно теперь, в 1940 году, в связи с сегодняшними задачами литературы.

Ведь совсем недавно, после ряда серьезных неудач и провалов отдельных писателей, перед каждым работником советской литературы вновь со всей остротой стал вопрос: в чем корень ошибок? Куда повернуть внимание?

Разве не поможет нам разобраться в переплетении спорах и сомнениях Маяковский, возвышающийся, как маяк революционной поэзии, полпред советского стиха, всегда первым бросающийся туда, где бой кипит.

Четыре дня продолжались бурные дискуссионные собрания, вызывавшие напряженный интерес далеко за пределами клубного зала. Однако осталось какое-то недоумение, чувство обманутой надежды. И не потому, что кое-кто из выступавших позволил себе использовать общественную трибуну для слишком необщественных дел. Это само собой.

В процессе дискуссии сказано и много верного, интересного по общим и частным вопросам. Но основное ее направление, тон и характер споров были совсем не те, каких требовали серьезность и ответственность задач нашей литературы.

Поводом для дискуссии были книги, вышедшие к десятилетию смерти Маяковского. Таких книг — 16. Сразу же привлекал внимание тот факт, что большинство авторов исследует, вспоминает, рассказывает о Маяковском... дореволюционного периода. Дореволюционные произведения Маяковского занимают в его собраниях сочинений меньше одной десятой части, все «сто томов» его «партийных книжек» — это прежде всего книжки революционных лет. Между тем мемуаристы, авторы биографических повестей и исследователи упорно тащат читателя к футуризму, к Бурлюку и «Бродячей собаке», к Хлебникову и желтой кофте.

Тов. Шкловский, например, почти весь разговор о Маяковском (поскольку, описывая себя, он вспоминал о Маяковском) свел к Бурлюку, Брик, Крученых, «ясновидцу» Хлебникову, как основным источникам пафоса и мощи великого революционного поэта. В части теоретической книжка Шкловского являет собой откровенную попытку реабилитировать давно разоблаченные формалистические нелепости.

Маяковский говорил, что уже накануне революции он был человеком, «относившим и оставившим желтую кофту» (статья «Как делать стихи?»). Шкловский же усиленно пытается закутать всего Маяковского в желтую кофту футуро-формалистических атрибутов. А в результате этих попыток уводятся куда-то в тень понимание традиций Маяковского, как традиций высочайшего чувства революционной ответственности, общественной целеустремленности.

Кто лучше Маяковского понимал значение ритма, смысл революционной ломки и обогащения синтаксиса, кто лучше чувствовал магию слова и кто с таким изумительным мастерством этой магии распоряжался? Но если формальная игра со словом, какой бы изысканной она ни была, превращалась для кого-нибудь в самоцель, то Маяковский называл это «низведением поэзии до технической работы» (там же). Ибо основным, решающим, направляющим для Маяковского было содержание. Он не представлял себе подлинной поэзии вне высокого общественного содержания, строящейся революционной целеустремленности. Еще в 1914 году он гремел:

Господа поэты,
неужели не наскучили
пажи,
дворцы,
любви,
сирени куст вам?
Если
также, как вы —
творцы,
мне наплевать на всякое
искусство.

Всю жизнь — и до революции и после — боролся Маяковский с эстетиками, чистоплюями, пропагандистами «маленьких задач чистого стиходелания», уводящими искусство от большой дороги общественной борьбы. С первого же дня революции Маяковский своим пером стал — вот когда можно сказать без всякой фальшивой риторики — как часовой с винтовой, на стражу революционного дела. Изю дня в день. От одного боя к другому. С великодушной последовательностью, не нарушенной ни одним колебанием, ни одним неверным жестом.

Незадолго до смерти Маяковский, отвечая на вопросы комсомольцев Красной Пресни, говорил: «Я от партии не отделил себя и считаю себя обязанным выполнять все постановления большевистской партии». Самое замечательное здесь то, что «выполнять все постановления» относится не только к голосованию на собраниях и выполнению общегосударственного долга, но к поэзии, к поэтической работе. Всем своим существом поэт, всем своим существом революционер, Маяковский воспринимал каждую очередную революционную задачу как свою поэтическую задачу. Вот в чем первейшая традиция Маяковского.

Боевые марши, стихотворные лозунги, величественные поэмы. Потом, если нужно, — «Нигде кроме, как в Моссельпроме». Ведь Ленин сказал, что надо учиться торговать. А задача, поставленная перед страной, это также и поэтическая задача Маяковского. Презрительно отмахиваясь от хихикающих в кулак снобов, Маяковский давал старым и молодым советским писателям урок настоящей революционной работы. И кто же из эстетствующих витий посмеет упрекнуть Маяковского в небрежности формы? Даже две строки рекламы подобраны с таким чутким словом, с таким искусством, что слова Маяковского живут в памяти миллионов людей, хотя и Моссельпрома-то давно нет.

Агитационные газетные стихи о займе подняты до высот поэзии, а интимнейшая поэма о любви писквозь пронизана социальным чувством, ощущением и сознанием того, что личное горе неотрывно от общечеловеческого и путь к счастью, моему, интимному, сливается с общим потоком борьбы за будущее. Вот — другая традиция Маяковского.

Те страницы, которые в книжке В. Катаняна составляют главу «Сталинские лозунги», может, самые интересные во всех шестнадцати книгах о Маяковском. Тов. Катанян показывает, как на протяжении ряда лет, из месяца в месяц, изю дня в день речей вождя партии, его указания, его лозунги служили непосредственным импульсом для творчества Маяковского.

Сталинские слова, выражения партийных революций, поэтически преображенные, органически входили в текст стихов Маяковского. А главное — мысль, партийная мысль наполняла его ежедневный поэтический труд. В небольшой, к сожалению, главе, занимающей едва одну одиннадцатую часть всей книжки, Катанян только подошел к теме огромного значения и поучительности. Но и та работа, которую он проделал, производит большое впечатление. (В четырехдневных прениях о ней не сказали как будто ни слова).

Маяковский нес свое поэтическое оружие туда, где обнаружился самый важный участок революционного фронта, он спешил туда со своими стихами, точно так же, как партийные организации, мобилизующие своих лучших людей. И поступал он так не только потому, что существовало «постановление», а потому, что это было его родное, внутреннее дело. Его тревога, его нужда, его победа.

Радуюсь я —
это
мой труд
вливается
в труд
моей республики.

Органическое постоянное чувство своей слитности с революцией, сознание своего высокого поэтического поста и своей ответственности — вот традиции Маяковского.

Разумеется, недостаточно установить и отметить это только в порядке юбилейно-историческом, в порядке, так сказать, «воздания успешному» должного. Мы-то как следуем традициям лучшего поэта советской эпохи? Вот о чем прежде всего следовало говорить на дискуссионных собраниях. Нет нужды тратить время на доказательство значительности достижений советской литературы за исторически небольшой срок ее существования. Это общезвестно. Кроме того, у нас слишком много охотников почитать на старых лаврах. Сегодня гораздо важнее по-большевистски обсудить ее недостатки и нужды. Связан ли провал «Метели» и «Домик» с вопросом о традиции Маяковского? Возможен ли был бы такой провал, если бы все советские писатели неотступно следовали этой традиции? Как это ни странно, на дискуссии ничего об этом не говорили.

У нас теперь появились поэты, поэтики, которые совсем на манер тех «братев-писателей», о которых Маяковский писал в 1914 году, чирикают, если не про дворцы и пажей, то про «сирени куст».

Недобрая была тогда погода.
И дождь, и снег.
На сердце.
На судьбе.
И то, что я
писал
в течение года,
Все это —
длинное письмо тебе.
Поймешь ли ты? —
Поймешь
(разборчив почерк)
Открытым сердцем,
милою душой.
Заплачешь ли? —
Заплачешь.
Тихо.
Ночью.
Одна в постели,
ставшей вдруг чужой.

Почерк разборчив вполне. И сразу видно, что все здесь мелко, пусто, нудно. И разбирать нечего. Чирикает человек (Александр Гитович), но разбивка стихов лесенкой «под Маяковского» не вводит в заблуждение. Может быть, это случайные стихи, написанные в результате мимолетного настроения и также случайно напечатанные в журнале «Литературный современник»? Нет, оказывается «тема разлуки» (в этом же стиле «дождя... на судьбе») — центральная тема Гитовича. Оказывается, Гитович не случайный человек в литературе, а «претендует на роль руководителя поэтической молодежи» Ленинграда.

Перечитаем все стихи, напечатанные в последнем номере (8—9) «Литературного современника». Журнал открывается как бы программно-философским произведением Вадима Шефнера, которое названо «Трактат о бессмертии».

Только по чудовищному недоразумению можно было принять за поэзию его унылую обывательскую прозу, оштукатуренную под белые стихи. Что касается содержания, то мечты Шефнера на 1940 год сводятся к тому, что хоть когда-нибудь ученые химико-лабораторным путем «формулу бессмертия найдут».

Но если Шефнер и Гитович представляют в журнале, так сказать, мнорную лирику и эгегическое раздумье, то Михаил Троицкий — весь мажор и пафос. Он поместил в журнале гимн... калганной настойке.

Некоторый ответ на вопросы, возникающие при чтении стихов «Литературного современника», мы получаем тут же, только на следующей странице и опять в стихах. Вот полностью стихотворение Ивана Федорова, называющееся «Танки ночью»:

Меня разбудят громы. Я открою
Окно, увижу: вновь по мостовой
Рыбистые идут гора с горою
Бок о бок... И увижу: вестовой
Илет высокий, стальной, с донесением.
Так, родина, о славе возвестят
Сыны твои стальные в том весеннем
Ночном часу, когда поэты спят.

Иван Федоров, по видимому, не подозревает, до какой степени его устами глаголет истина. Иные поэты действительно спят. И не только в Ленинграде. Их будят время от времени громы величайших событий, они подчас ворчат и жалуются, что им не дают «оттачивать форму», что им необходимо «справно на лирику» (как будто это право когда-либо кто-либо у них отнимал!), что сам Маяковский сказал: «что б больше поэтов хороших и разных».

Да, разных, но не всяких. Разных, но хороших. Поэтов, а не чирикающих воробушков.

Надо показать теряющим дорогу, в какое болото может завести даже способных людей бессодержательное эстетско-формалистское сюсюканье, которое кое-кому представляется лирикой.

Некоторые наши литераторы не чувствуют времени, в которое мы живем. Не слышат гула социальных катастроф. Не чувствуют ответственности своей как писателей, — людей, стоящих у одного из самых важных рычагов в очень ответственные часы. Только этим можно объяснить положение с современным героем в литературе и то, что иные писатели блуждают где-то по далеким тропинкам вместо того, чтобы идти по центральной магистрали революционного искусства, к которой звал словом и примером Маяковский.

Вот о чем нужно было в первую очередь говорить на дискуссии. Тов. Фадеев в своей речи связал тему Маяковского с сегодняшними задачами литературы. Но как он это сделал? Весь пафос его выступления был направлен против неудачных, по его мнению, строк т. Лебедева-Кумача. Неудачные строки у Лебе-

дева-Кумача имеются, как и у любого другого нашего писателя, и критиковать их, разумеется, нужно. Но странным образом т. Фадеев, сосредоточив весь огонь своей критики на Кумаче, почти ничего или очень мало говорил об опасности безыдейности, обывательщины, формалистско-эстетском уходе от основных проблем нашей действительности. А именно об этом нужно было говорить в первую очередь. Такие факты давали себя знать и на дискуссии. Выступил же на дискуссии Крученых с откровенно-вульгарной защитой формализма и заговорил в таком атактистическом тоне, точно ничего не произошло за последнюю четверть века. Казалось, тотчас же он услышит заслуживающий того ответ. Но ни Фадеев, ни Лебедев-Кумач, ни кто-либо другой не дали ему отпора.

Иные люди, склонные считать себя защитниками искусства, с ехидством, смешанным с изрядной дозой снисходительности, задают все один и тот же вопрос: а форма? Имеете в виду, друзья мои, что без формы нет искусства. Поэтому внимание форме, мастерству, форме, еще раз форме.

Это верно: без формы искусства нет самого искусства. Ошибочность, ложность позиции этих «защитников» очень часто выражается совсем не в тех словах, которые они произносят. Значение формы общезвестно. «Защитники» забывают, однако, что прежде чем «оформлять», надо знать, что «оформлять». Как глубоко прав был Гораций, говоря, что ключ к искусству сочинять — это искусство мыслить.

Нисколько не отрицая значения формы, необходимости каждодневной учебы и работы над «выделкой», мы должны, однако, подчеркивать, что основные задачи советской литературы находятся в области содержания, идей. Искусство формалистов в итоге оказывается беспомощным по самой своей форме, потому что только новое содержание может определить новую форму.

У некоторой части наших литераторов, несомненно, сохранились эстетско-формалистские тенденции, самым непосредственным образом связанные с обывательщиной и беспринципностью. Против таких тенденций неустанную борьбу вел Маяковский, и именно против них нужно было теперь направить острей критики.

Ленинградская группа «молодых» не составляет, конечно, исключения. В критике также проявляются иногда следы безыдейного подхода к литературе, грошевого эстетства, формалистического слововорочения. В том же «Литературном современнике» И. Гринберг уверяет, что Гитович и Шефнер «верно почувствовали одну из важнейших задач, стоящих перед нашей поэзией». И этот же всезнающий критик радостно сообщает, что «среди наших поэтов, особенно молодых, есть гораздо больше подражающих Ахматовой, чем готовых в этом сознаться». По его мнению в стихах Ахматовой, «казалось бы совсем «камерных», присутствует чувство времени, присутствует память о широком мире». Какого времени? И о каком мире? Этого критик «Литературного современника» не уточняет, видимо, не считая существенным.

Но кто же не знает, что все несчастье Ахматовой в том, что ее «чувство времени» и память самым печальным образом связаны с прежним временем и старым миром.

Некоторые товарищи, выступавшие на дискуссии с критикой речи Фадеева, правильно говорили, что критический огонь следует направить прежде всего против явлений обывательщины и беспринципности. К сожалению, они сами большую часть своих выступлений посвятили выяснению заслуг упомянутых или неупомянутых поэтов.

Дело в конце концов не в дозировке хвалебных или ругательных эпитетов, отпущенных руководителем Союза писателей тому или иному литератору. Дело в том, что дискуссия пошла по неверному направлению, что не была вскрыта опасность чирикающих обывателей, угроза эстетско-формалистских влияний, уводящих известную часть нашей литературы в сторону от большого революционного искусства.

Может быть, это произошло потому, что к дискуссии как следует не подготовились? Или потому, что у части руководящих работников союза нет достаточно ясного представления о задачах, которые страна ставит сегодня перед литературой?

Партия уже не раз указывала нам на отдельные явления беспринципности, формалистско-эстетских извращений в литературе (см. например, редакционную статью «Большевик» № 17 за 1939 г.). Создается впечатление, что некоторые работники Союза писателей не поняли всего значения этих указаний. О группе ленинградских левых разлуки, одиночества и мещанского эгоцентризма писал секретарь ленинградского горкома партии т. Маханов (ст. в «Известиях» от 2.XI). А что думают об этом в Союзе писателей? Ведь на титульном листе «Литературного современника» сказано, что он «орган Союза советских писателей СССР».

Всю работу Союза писателей надо решительно повернуть к «производству», то есть к литературе, к книгам, к журналам. Надо поднять идейную температуру в союзе, надо привлечь внимание всей массы литературных работников к задачам литературы, находящимся в теснейшей связи с интересами и великими задачами нашего народа.

Вот первые выводы из дискуссии о книгах, посвященных Маяковскому.

И надо повысить чувство ответственности наших литераторов перед народом и эпохой. Белинский писал когда-то о том, в каких условиях могут появиться поэты всемирно-исторического значения: «Такие поэты могут являться только у народов, призванных играть в судьбах человечества всемирно-историческую роль, то есть своему национальному бытию иметь влияние на ход и развитие всего человечества...»

Все ли из нас чувствуют, с какой силой звучат сегодня эти слова генерального критика?